

ELENA KARPINA / ЕЛЕНА КАРПИНА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4045-9938>

Gorlovka Institute for Foreign Languages / SHEI “Donbass State Pedagogical University”

ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВНЫХ И КАТОЛИКОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ВС. С. СОЛОВЬЁВА «КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ»

The images of the Orthodox and the Catholics in the historical novel “The Princess of Ostrog” by Vs. S. Solovyov

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: христианство, православие, католичество, конфессия, тенденциозность, исторический роман, Речь Посполитая

KEYWORDS: Christianity, Orthodoxy, Catholicism, confession, tendentiousness, historical novel, The Polish-Lithuanian Commonwealth

ABSTRACT: The article is dedicated to the study of the religious problems of Vs. S. Solovyov’s historical novel “The Princess of Ostrog”, the central plot conflict of which is an open struggle between the Orthodoxy and the Catholicism that broke out in the 16th century in The Polish-Lithuanian Commonwealth. In the process of analysing the designated aspect of the text the author comes to the conclusion that the images of Konstantin, Halshka and Beata Ostrozhsy considered in the paper are a clear embodiment of the three possible life aspirations of the people who lived in the era recreated by the author: the struggle for the Orthodoxy in the Grand Duchy of Lithuania; asserting one’s right to profess the Orthodoxy; propaganda of the Catholicism.

1. Введение

Вс. С. Соловьёв – один из наиболее известных и талантливых русских исторических беллетристов XIX ст., достойный представитель своего славного рода. Вершиной обширного и многогранного творческого наследия писателя является пенталогия «Хроника четырёх поколений», или «Семья Горбатовых», как её нередко называли читатели.

Соловьёв дебютировал на литературном поприще в качестве исторического беллетриста в 1876 г., в котором была написана «Княжна Острожская» – его первое историческое произведение. Изданная в «Ниве» – наиболее популярном русском журнале XIX века, посвящённом литературе, политике и современной жизни эпохи, и фактически ставшая «пробным камнем его таланта» (Быков 1917, 10), она имела несомненный успех. Начинающему литератору было на тот момент 27 лет.

Благодаря восторженным отзывам читателей молодой автор пришел к убеждению в том, что историческая тема в литературе – его настоящее призвание. Во многом способствовало этому и письмо, полученное Соловьёвым 15 января 1877 г. от известного русского философа-славянофила К. Н. Леонтьева, в котором последний обращался к беллетристу с просьбой, красноречиво свидетельствующей о достаточно высокой художественной ценности созданного им произведения:

Пришлите мне также – очень, очень прошу вас – оттиск той <вашей> польской повести, который мне попался в “Ниве” случайно – один только отрывок – он восхитил меня, особенно тем, что в нем язык такой простой и благородный, чуждый всех тех юмористических грубостей, от которых избавиться не может ни Тургенев, ни Достоевский, ни даже Толстой (Ланской 1973, 473).

Известный тверской литературовед А. Ю. Сорочан в монографии «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев» представляет нашему вниманию интересное наблюдение. Возрождение интереса читателей к историческому роману во второй половине XIX века связано, в определённой степени, с выходом в свет «Войны и мира» (1863-1869) Л. Н. Толстого. В эпопее, по мнению учёного, соединились три формы репрезентации истории: «исторический факт, психологически занимательный случай и философская тенденция».

Именно по этому пути упрощения достаточно сложной структуры произведения романиста пошли почти все исторические беллетристы 1870-1880-х гг. Так, например, Е. П. Карнович ограничивает «специфику исторической прозы фактографией». Е. А. Салиас и М. Н. Волконский «сводят историю к нагромождению случаев частной жизни, действий вымышленных лиц». Соловьёв пытается «реконструировать упрощённую философскую доктрину, “подгоняя” под неё историческую канву» (Сорочан 2007, 16-17). Таким образом, «изображение исторических событий оставалось по существу предложением для выражения внешней по отношению к ним идеи» (Сорочан 2007, 215).

Е. В. Никольский, крупнейший восточноевропейский специалист по соловьёвоведению, имеющий польские корни, автор монографий «История Великого княжества Литовского и Московского царства в прозе Всеволода Соловьёва» (Никольский 2012а) и «Роман Всеволода Соловьёва “Княжна Острожская”: проблемы имагологии и идеологии» (Никольский 2012b), в своей докторской диссертации «Проза Всеволода Соловьёва: проблемы творческой эволюции» определяет первое прозаическое произведение писателя как историко-идеологический роман (Никольский 2014, 101), что сближает концепции обоих исследователей.

События соловьёвского романа происходят в 60-е гг. XVI века в Речи Посполитой, образовавшейся вследствие объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которое стало результатом заключения Люблинской унии в 1569 г. Произведение буквально «дышит» национальной культурой Литвы и Польши. Естественным следствием проживания в Речи Посполитой представителей различных народов стало многообразие исповедуемых её жителями религий, чем в значительной степени обусловлен повышенный интерес Соловьёва к этноконфессиональным проблемам польско-литовского государства.

Цель нашей статьи – рассмотреть с учётом исторического контекста эпохи образы наиболее значимых в религиозном отношении персонажей исторического романа Вс. С. Соловьёва «Княжна Острожская» и выявить коррелирующие с ними возможные жизненные устремления людей, живших в XVI веке в Речи Посполитой.

2. Проблемно-тематическое своеобразие романа «Княжна Острожская»

Фактором, во многом предопределившим проблемно-тематическую направленность исследуемого нами произведения, служит биография романиста. В её контекст углубляться не будем, отметим лишь два важных момента. По словам А. А. Ревякиной, «глубокое религиозное чувство» составляло «основу мироотношения всех Соловьёвых» (Ревякина 1996, 250). Современник и биограф Владимира Соловьёва М. С. Лукьянов отмечал, что в их семье «жил хороший старомосковский православный дух, чуждый ханжества и лицемерной напряженности, но столь же чуждый и поверхностного религиозного вольнодумства» (Муравьёв 1993, 245). И это неудивительно, поскольку отцом С. М. Соловьёва был православный священник М. В. Соловьёв. Всеволод был очень привязан к деду и отзывался о нём с необычайной теплотой.

Межличностные отношения беллетриста с его младшим братом В. С. Соловьёвым – одним из крупнейших представителей русской религиозной философии – складывались очень непросто. Уже с юных лет между Всеволодом и Владимиром вспыхнула вражда. Не было между ними взаимопонимания и впоследствии. По воспоминаниям их племянника, С. М. Соловьёва-младшего, романист относился к брату «с некоторым презрением и злословил, что тот мечтает быть римским кардиналом» (Соловьёв 2003, 66). Доподлинно известно, что именно «пристрастие» Владимира к католицизму стало причиной публичного заявления Всеволода «о разрыве всех отношений с братом» (Ревякина 1996, 250).

В соответствии с творческим замыслом писателя, центральной сюжетной коллизией романа является открытая борьба православия и католичества (противостояние православия протестантизму обозначено в нём пунктирно). Для Соловьёва, «как истого православного христианина», эта проблема «была полна особого смысла» (Ревакина 1996, 250). Беллетрист, как мы полагаем, сталкивает в идейном мире своего произведения именно эти два направления крупнейшей мировой религии по причинам, изложенным выше. Считаем необходимым особо подчеркнуть тот факт, что мы относимся с глубочайшим уважением к представителям всех конфессий, вследствие чего пытаемся быть максимально беспристрастными и интерпретируем данную проблему исключительно сквозь призму восприятия автора романа.

Религиозная обстановка, сложившаяся в Речи Посполитой к 60-м гг. XVI века, очень тесно связана с её историей. Пространный экскурс в историческое прошлое федеративного государства совершать не будем, т.к. основные его факты широко известны. Отметим лишь один аспект, наиболее существенный для концепции нашего исследования. В хронологическом плане указанный период коррелирует с эпохой правления Ивана Грозного – далеко не самой светлой страницей в истории Московского царства. В годы его правления, озаменованные достаточно непростыми внешнеполитическими отношениями с Великим княжеством Литовским, весьма значимая во всех смыслах юго-западная территория Руси – Волынь, отошедшая к последнему ещё в XIV веке (1392 г.) в результате войны Польши и Литвы за галицко-волинское наследство, продолжала находиться в его составе, а впоследствии, в 1569 г., стала частью Речи Посполитой. При этом для нас особенно важно то, что, по словам профессора А. Н. Сахарова,

русские за пределами Московии, позднее России, вблизи великорусских границ оставались мощным национальным конгломератом, значительным духовным, культурным феноменом Восточной Европы. Русские в Литве – это и знать, и горожане, и православное духовенство, и дворяне, и крестьяне, это православные школы, летописание, национальное искусство. Эта часть русских земель и русского населения была встроена в систему цивилизации Восточной Европы, где действовало Магдебургское право, осуществлялась выборность королей, отсутствовало самодержавие» (Сахаров 2003, 84).

Соловьёв преднамеренно акцентирует внимание читателей на полной драматизма участи русского этноса, едва оправившегося после татаро-монгольского нашествия, но вскоре после него оказавшегося волею сильных мира сего в пределах совершенно чуждого ему по духу государства. Принимая во внимание национальную принадлежность самого писателя, прекрасно знакомого с основными событиями истории своего отечества, а также тот факт, что по образованию он был юристом, проблемы «выживания» русских на чужой

земле, интеграции славянской культуры в европейскую систему ценностей не могли не волновать его душу и не занимать творческого воображения.

По поводу непростых взаимоотношений русских и поляков Н. Данилова пишет следующее:

Польско-русские отношения всегда были достаточно сложными и неоднозначными. [...] Парадокс заключается в том, что, имея общие славянские корни, а также схожую культуру, христианскую религию, поляки и русские на протяжении многих веков конфликтуют (Данилова 2014, 133сл.).

Все значимые в концептуальном плане действующие лица «Княжны Острожской» нами условно разделены на две группы: русские, исповедующие православие, и поляки, исповедующие католичество, причём последние выступают по отношению к первым в качестве явных идеологических противников. К первой группе мы относим князя К. К. Острожского, княжну Е. И. Острожскую, князя Д. А. Сангушку, И. П. Галынского и Федю. Ко второй – Сигизмунда II Августа, княгиню Б. А. Острожскую, отца А. Чеккино, пана Зборовского и панну Зою.

Объём настоящего исследования не позволяет нам раскрыть образы всех вышеперечисленных персонажей. Проанализируем три образа, наиболее репрезентативных в контексте борьбы православия и католичества, разразившейся в XVI веке на Воляни, – князя Константина, его племянницы и княгини Беаты.

3. Действующие лица романа как средство художественного выражения конфессиональной тенденциозности автора

Константин Острожский – без сомнения, самый благочестивый герой романа, стоящий на страже веры православной. Вводя в систему персонажей первого литовского вельможу, Соловьёв даёт ему такую характеристику:

(1) Много было славных и могучих вельмож на Литовской Руси. Каждый горожанин, каждый бедный землепашец с великим почтением произносил имена князей Радзивиллов, Ходкевичей, Сапег, Воловичей, Омельковичей-Слуцких. Но имя князя Константина Константиновича Острожского возбуждало повсюду даже благоговение – все литвины, от Острога до Вильны, не иначе называли его как «великим князем» (Соловьёв 2009, 13).

Основным его достоинством в глазах современников и потомков автор считает нерушимую верность православной церкви и русскому народу. Наилучшим подтверждением истинного благоверия князя является, по убеждению

романиста, неустанная деятельность, направленная на сохранение священной веры предков в родном крае. С неподдельным восхищением он говорит о том, что магнат Острожский «отдал всю свою жизнь на служение православию, на поддержание его и охранение. И все, что в Литве дорожило отцовской верой, примыкало к могучему князю, прибегало под его защиту, полагалось на него, как на оплот надежный» (Соловьёв 2009, 14). Высшим же проявлением этой благородной деятельности, её венцом, стало издание в 1581 г. первой полной Библии на церковнославянском языке, осуществлённое на славной литовской земле по его инициативе.

Главный «ревнитель православия» (Соловьёв 2009, 22сл.) польско-литовского государства показан в первом историческом повествовании прозаика как натура твёрдая и волевая, предъявляющая необычайно высокие в моральном отношении требования не только к себе, но и к окружающим.

Писатель подчёркивает, что именно в Остроге, наследственной резиденции Константина Константиновича, «нельзя было заметить распущенности нравов, царившей в тогдашнем обществе» (Соловьёв 2009, 85). И это неудивительно, поскольку князь «вырос в семействе благочестивом, свято хранившем традиции, гордившемся своими предками, берегшем родовую честь пуще зеницы ока. Он еще хорошо помнил патриархальную жизнь старого времени, и такая жизнь была его идеалом» (Соловьёв 2009, 86).

Как известно, Константин Острожский являлся одним из наиболее выдающихся просветителей и меценатов своего времени и в течение всей своей многотрудной жизни всячески содействовал культурному и духовному обогащению жителей родного Острога и всей Волыни. Так, например, знаменитая славяно-греко-латинская академия – первое высшее учебное заведение Восточной Европы – была построена в 1576 г. на личные средства князя и его племянницы (этот факт нашёл отражение и в романе, однако причастность княжны к учреждению Острожской школы Соловьёвым опущена).

Е. И. Острожская, или Гальшка – главная героиня романа, что явствует из его заглавия. В название романа её имя вынесено не случайно. Данный художественный приём дал автору возможность подчеркнуть особую роль юной княжны в системе его персонажей. Происхождение по отцовской линии из духовного сословия во многом предопределило ту теплоту, с которой писатель обрисовывал образы русских православных людей. Отчётливее же всего эта теплота ощущается в образе Гальшки.

Племянница князя Константина – самый светлый образ романа, воссозданный Соловьёвым в духе эстетики Ренессанса. Сюжетная линия произведения, связанная с перипетиями её судьбы, вполне может считаться гимном человеческой красоте и стойкости человеческого духа. В самом начале романа, знакомя читателя с дочерью покойного князя Ильи и княгини Беаты

Острожских, автор, задавая возвышенный тон своему повествованию, сообщает ему о том, что она

- (2) была необыкновенная, неслыханная красавица. Такая красота родится веками, приобретает себе славу, подобно гению, и память о ней сохраняется в потомстве. Такая красота – высочайший дар природы – может служить поводом и причиной великих и часто кровавых событий (Соловьёв 2009, 19).

В одном из авторских отступлений, представляющих собой ёмкую характеристику общественной жизни Великого княжества Литовского воссозданного в тексте периода, Соловьёв с крайним прискорбием и негодованием пишет о нравственной распущенности литовских девушек и женщин. Добродетельная же Гальшка в этом смысле – исключение. Воспитанная в лучших традициях православия дядей-праведником, она, в понимании беллетриста, является представительницей славного княжеского рода Острожских не только по фамилии, но и по духу.

Три основные христианские добродетели – вера, надежда, любовь – служат ей утешением в несчастье. Даже когда Елена осознаёт тщетность своих грёз и её покидает надежда, в её душе продолжает жить вера во Всевышнего. Именно эта вера, а также чтение жизнеописаний святых не дают ей совершить непоправимое и придают сил жить дальше.

Верность православию – единственная и нерушимая святыня княжны, которая помогает ей даже в те моменты, когда возможность счастья, казалось бы, утрачена навсегда. И она бережёт эту святыню как зеницу ока:

- (3) Она отказывалась от борьбы, для которой не была создана. Она знала только одно – что никому и ни за что в мире не отдаст своей веры, своего православия и своей горькой, священной памяти о погибшем муже (Соловьёв 2009, 136).

В непоколебимой верности конфессии, к которой принадлежали предки Гальшки, Соловьёв усматривает настоящий подвиг. В отличие от Константина Константиновича, никем не вынуждаемого отказаться от веры, которую исповедовали все представители древнего рода Острожских, она должна была всеми способами отстаивать полученное при рождении право остаться православной. Многие желали видеть её католичкой – княгиня Беата, отец Антонио, панна Зося и, наконец, старый католический монах виленского монастыря. Более иных этого хотел иезуит, влюблённый в девушку и вынужденный тщательно скрывать свои чувства, однако Елена, как истинная дочь своего отца, осталась непреклонной перед доводами искуителя.

Развивая далее идею о духовной стойкости княжны и делая особый акцент на достойном восхищении умении страдальницы стойчески выносить все несчастья, выпавшие на её долю, романист пишет:

- (4) Не только слабая, измученная и запуганная женщина, а и всякий сильный человек давно подчинился бы его влиянию, давно был бы в руках его. Но ничего не мог он сделать с Гальшкой. Всякое оружие ломается об ее неприступность. И чем тяжелее ее жизнь, чем ужаснее обстоятельства, чем невыносимее испытания, тем крепче и непоколебимее ее православие [...] (Соловьёв 2009, 202сл.).

Содействовать обращению Гальшки в католичество должна была, по замыслу иезуитов виленского монастыря, её мать. Сама же Беата Острожская в глубине души вовсе не желала превращения своей единственной дочери в затворницу обители. На принятии же Еленой католичества Беата Андреевна, наставляемая патерами, и прежде всего, своим духовником, настаивала. Примирившаяся со своей незавидной участью и оттого покорная дочь готова была подчиниться воле княгини во всём, «за исключением вопроса о православии» (Соловьёв 2009, 211). В отличие от старших сыновей виднейшего литовского борца за православие, Януша и Константина, которые поддались доводам чужого человека – иезуита Антонио – и перешли в католичество, к невыразимому горю князя, Гальшка осталась глуха к увещаниям родной матери и не изменила конфессию, в которой была рождена и воспитана.

Поистине тяжёлая судьба многострадальной Гальшки – прототипа соловьёвской княжны – послужила поводом для именовании её в народе «чёрной княгиней» (Никольский 2014, 50). Роман же беллетриста имеет счастливую развязку. Чудесное «воскрешение» и возвращение Дмитрия Сангушки, спасение им и Константином Константиновичем Елены от насильственного пострижения отцами-иезуитами, воссоединение после долгой разлуки с возлюбленным – его заключительные аккорды. Подобный финал вполне закономерен, если учесть тот факт, что «Княжна Острожская» является произведением тенденциозным и фактически представляющим собой художественную апологию православия.

Не менее колоритными в романе являются и образы католиков, и образ Б. А. Острожской – тому подтверждение. Представляя читателю свою героиню, Соловьёв вводит в художественную ткань повествования небольшую социально-историческую справку:

- (5) Литовская женщина по законам имела многие права и пользовалась большою независимостью, но недостаток серьезного воспитания развил в ней полное отсутствие самоуважения – она стремилась только к роскоши и неприличному кокетству. Немудрено после этого, что благоразумные отцы семейств предпочитали выбирать для своих сыновей жен в Польше, где женщины были гораздо образованнее и высоко ценили родовую честь (Соловьёв 2009, 28).

Именно такую истую польку и католичку – Беату Косцелецкую – прочил князь К. И. Острожский за своего старшего сына Илью. Вполне очевидно, что национальная принадлежность и исповедуемая конфессия «не могли снискать» княгине «любви народной» (Соловьёв 2009, 28) на исконно русской земле, вошедшей в состав литовского государства. Беата была чужой в глазах русских православных людей.

Выйдя замуж за литовского православного князя, Беата Андреевна осталась «ревностной католичкой» (Соловьёв 2009, 29) во многом благодаря толерантному отношению к её вероисповеданию со стороны Ильи Константиновича и его отца. Проводившая много времени в беседах на религиозные темы со своим духовником и отводившая значительную роль духовной сфере бытия, молодая княгиня всё же была далека от какого бы то ни было «религиозного фанатизма» (Соловьёв 2009, 29).

Смерть князя Ильи стала переломным моментом в судьбе Беаты. С величайшим трудом оправившись после постигшего её горя, вдова, долгое время бывшая безутешной, сумела обрести новый смысл жизни, найдя дело, которому отдалась без остатка. Этим делом, всецело завладевшим её душой и помыслами, стала «религиозная пропаганда»: «Она поклялась посвятить всю жизнь своим делам веры и помогать духовенству своими посильными приношениями» (Соловьёв 2009, 30сл.). Таким образом, сильнейшее душевное потрясение способствовало превращению Беаты Острожской из благочестивой католички в «верную дочь римской церкви» (Соловьёв 2009, 46), столь изумившему её родных.

Различие конфессий стало основным камнем преткновения на пути к взаимопониманию между княгиней Беатой и её родственниками, исповедующими чуждую ей религию. Младшему сыну Константина Ивановича

- (6) приходилось отстаивать православие уже не в одной Литве, а и в стенах собственного дома, приходилось начинать тяжёлую, раздражающую борьбу с фанатизмом женщины, которую он, не без основания, иногда готов был считать помешанной (Соловьёв 2009, 32).

Католическая вера значила для Беаты Андреевны так много, что, несмотря на рекомендации дальновидного отца Антонио поддерживать видимость добрых отношений со всеми обитателями Острожского замка для предотвращения семейных конфликтов, она «считала унижительным входить с православием в какие бы то ни было компромиссы» (Соловьёв 2009, 35). Во всём же остальном мать Гальшки была полностью единодушна со своим духовником и беспрекословно исполняла все его указания, являясь «послушным орудием» (Соловьёв 2009, 132) в руках коварного иезуита, усердно культивировавшего в душе княгини Острожской «печальную ненависть ко всему не католическому» (Соловьёв 2009, 188).

Тот факт, что противоборствующими сторонами в романе выступают члены одной семьи, делает религиозный конфликт на Волыни ещё более драматичным. При этом католичество Беаты – её «печальная слабость» (Соловьёв 2009, 187), по словам лютеранина Гурки, – противопоставлено православию Константина и Гальшки как религиозный фанатизм истинному благочестию.

4. Заключение

Таким образом, тенденциозность Соловьёва в рассмотренном нами романе очевидна. Русский дворянин, внук православного священника выступает в своём первом историческом произведении явным апологетом религии, в рамках которой он был рождён и воспитан. Ключевая в концептуальном плане идея несомненного нравственного превосходства православных над католиками, акцентируемая посредством преднамеренной гиперболизации добродетелей первых и пороков последних, с наибольшей очевидностью про-является на образном уровне текста.

Основным средством художественного выражения конфессиональной тенденциозности писателя, служащим успешному достижению им его экстра-литературной задачи – всестороннего обличения католичества – является система персонажей произведения. Рассмотренные нами образы Константина, Гальшки и Беаты Острожских являются наглядным воплощением трёх возможных жизненных устремлений людей, живших в воссозданную автором эпоху: борьбы за православие в Великом княжестве Литовском; отстаивания своего права исповедовать православие; пропаганды католичества. Резонёром автора в вопросе выбора веры является один из главных героев романа – русский православный князь К. К. Острожский.

Перспективы наших дальнейших исследований связаны с выявлением различных видов тенденциозности (национальной, социальной, нравственной, гендерной, конфессиональной и т.п.) в других ранних исторических романах Соловьёва, а также определением основных средств их художественного выражения.

Библиография

- Быков, П. В. (1917), Всеволод Сергеевич Соловьёв. Его жизнь и творчество (очерк). В: Соловьёв, Вс. С. Полное собрание сочинений. Т. 1: Княжна Острожская. Петроград, 3-62.
- Данилова, Н. (2014), Польша и поляки глазами современной российской публицистики (по материалам журнала «Огонек»). В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. V/1, 133-148.
- Ланской, Л. Р. (1973), Достоевский в неизданной переписке современников (1837-1881). В: Щербина, В. Р. (ред.), Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Москва, 348-564.

- Муравьев, В. Б. (1993), Об авторе (Послесловие). В: Соловьев, Вс. С. Юный император. Москва, 244-253.
- Никольский, Е. В. (2012), История Великого княжества Литовского и Московского царства в прозе Всеволода Соловьёва. Минск.
- Никольский, Е. В. (2012), Роман Всеволода Соловьёва «Княжна Острожская»: проблемы имагологии и идеологии. Тверь.
- Никольский, Е. В. (2014), Проза Всеволода Соловьёва: проблемы творческой эволюции. Диссертация. Тверь.
- Ревякина, А. А. (1996), Соловьёв Всеволод Сергеевич. В: Николаев, П. А. (ред.), Русские писатели. XIX век. Библиографический словарь. Ч. 2 (М-Я). Москва, 250-255.
- Сахаров, А. Н. (2003), Историческая сага Всеволода Соловьёва. В: Вопросы истории. 9, 74-107.
- Соловьёв, Вс. С. (2009), Княжна Острожская. В: Соловьёв, Вс. С. Собрание сочинений. Т. 1: Княжна Острожская. Царь-девица. Москва, 13-226.
- Соловьёв, С. М. (2003), Воспоминания. Москва.
- Сорочан, А. Ю. (2007), «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев. Тверь.

